

ВОСТОЧНЫЙ СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080009697-3

РАЗЛИЧИЯ КУРДСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИРАКЕ И ТУРЦИИ (1958–1979): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2020

И.Н. ВЕДЕНЕЕВ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8808-9745; SPIN-код: 2039-5143
ilya.vedeneev@gmail.com

Резюме: Данная статья посвящена сравнительному анализу национально-освободительного движения курдов Ирака и Турции в следующих аспектах: исходные условия деятельности, организационные и идеологические формы. Делается вывод о том, что различие в исходных условиях деятельности обусловило специфику и организационных, и идеологических форм борьбы. Курды в Ираке смогли поставить на службу национальному движению племенную структуру общества в то время, когда традиционная аристократия турецких курдов была целенаправленно инкорпорирована кемалистами в правящую элиту страны. Как следствие этого, турецкие курдские революционеры оказались вынуждены создавать принципиально иные формы организации.

Помимо этого, большую роль играл фактор внешней среды. Так, с одной стороны, вследствие Июльской революции 1958 г. в Ираке курды были признаны в качестве равноправного политического субъекта на высшем уровне. С другой стороны, турецким руководством отрицалось само наличие курдского вопроса в стране. Невозможность выразить себя в рамках легального политического процесса – вкупе с экономической отсталостью юго-востока страны – привела к росту радикальных левых настроений, особенно среди молодёжи. Этому также способствовали индустриализация страны и разложение курдской общины. В свою очередь, курс правительства на целенаправленную ассимиляцию не увенчался успехом: напротив, он породил поколение оппозиционно настроенной курдской интеллигенции. Положение турецких курдов – по сравнению с их иракскими собратьями – в ситуации давления со стороны правительства усугублялось тем, что они не имели общепризнанных лидеров и централизованного командования. В то же время турецкое государство обладало всеми возможностями эффективно подавления курдского сепаратизма. Следствием этого стало то, что вплоть до середины 1970-х гг. национальное движение курдов не принимало никаких серьёзных организационных форм (в то время как в Ираке к этому моменту движение Барзани потерпело поражение).

Ключевые слова: курды, Ирак, Турция, Ближний Восток, Мустафа Барзани, ДПК, ПСК, национализм.

Для цитирования: Веденеев И.П. Различия курдского национально-освободительного движения в Ираке и Турции (1958–1979): сравнительный анализ. *Восток (Oriens)*. 2020. № 6. С. 107–117. DOI: 10.31857/S086919080009697-3

COMPARATIVE ANALYSIS OF KURDS NATIONALIST MOVEMENT IN IRAQ AND TURKEY (1958–1979)

© 2020

Ilya P. VEDENEV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-8808-9745; SPIN-код: 2039-5143

ilya.vedenev@gmail.com

Abstract: *The article gives a comparative analysis of the national liberation movement of the Kurds of Iraq and Turkey in the following aspects: initial conditions of activity, organizational and ideological forms. It concludes that different initial conditions of their activity led to the specifics of both organizational and ideological forms of struggle. The Kurds in Iraq were able to utilize the tribal structure of society as a driver of their national movement whilst the traditional aristocracy of the Turkish Kurds was incorporated into the country's ruling elite by the Kemalists. As a result, Turkish Kurdish revolutionaries were forced to create fundamentally different forms of organization.*

In addition, the environmental factor played a big role. Thus, on the one hand, as a result of the July revolution of 1958 in Iraq, the Kurds were recognized as an equal political subject at the highest level. On the other hand, the Turkish leadership denied the very existence of the Kurdish issue in the country. The inability to express itself within the framework of the legal political process – coupled with the economic backwardness of the South-East of the country – has led to the growth of radical leftist sentiments, especially among young people. The industrialization of the country and the decomposition of the Kurdish community also contributed to this. In turn, the government's course on purposeful assimilation was not successful: on the contrary, it gave birth to a generation of opposition-minded Kurdish intellectuals. In view of existing government pressure, the situation of the Turkish Kurds, compared to their Iraqi counterparts, was compounded by the fact that they did not have universally recognized leaders and centralized command. At the same time, the Turkish state had all the possibilities of effectively suppressing Kurdish separatism. The consequence of this was that up to the mid-70's the Kurdish national movement did not take any serious organizational forms (while the Barzani movement was defeated in Iraq by this point).

Keywords: the Kurds, Iraq, Turkey, the Middle East, Mustafa Barzani, KDP, PUK, nationalism.

For citation: Vedenev I.P. Comparative Analysis of Kurds Nationalist Movement in Iraq and Turkey (1958–1979). *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 6. Pp. 107–117. DOI: 10.31857/S086919080009697-3

Курды – крупнейший из народов на Земле, не имеющих собственной государственности. Будучи разделёнными границами четырёх государств Ближнего Востока: Ирана, Турции, Ирака и Сирии, они представляют собой один из ключевых факторов региональной безопасности. Применительно к современному этапу это связано прежде всего с их положением в Ираке и Сирии, что, в свою очередь, стало возможным вследствие продолжительной борьбы за свободу и независимость. Как следствие этого, изучение предыстории нынешнего положения курдов – на примере Ирака и Турции – представляется актуальным и с исторической точки зрения, и с точки зрения текущей политики.

Ввиду того, что ни в одной из четырёх стран курды не составляют большинства, они подвергались различным формам угнетения и дискриминации на протяжении всего XX в. Закономерным итогом – вкуче с общемировым трендом второй половины XX в. – стал рост их национального движения, прежде всего в Ираке и Турции (причиной чего, в

свою очередь, была их многочисленность: как в абсолютных значениях, так и в процентном соотношении с турками и арабами). Как следствие этого, закономерно представляют интерес, во-первых, сопоставление условий роста курдского национализма в обеих странах, а, во-вторых, те организационные (и идеологические) формы, которые они, в конечном итоге, приняли. Гипотезой исследования является предположение, согласно которому, несмотря на то, что внешне борьба за национальное освобождение приняла левые лозунги и партийные структуры, на деле их идеологией был национализм, а реальная организация в решающей степени опиралась на племенные структуры.

Главным итогом Первой мировой войны для Ближнего Востока стал распад Османской империи, что нашло своё отражение в Севрском (1920 г.) и Лозаннском мирном договоре (1923 г.). Согласно Севрскому договору, за курдами признавалось право на автономию (ст. 62, 64) [*The Treaties of Peace*, 1924, p. 807–808]. Однако по итогам национально-освободительной борьбы анатолийских турок во главе с Мустафой Кемалем против международной интервенции младотуркам удалось отстоять Турцию в её современных границах (за исключением провинции Хатай и Мосульского вилайета). Как следствие этого, проект независимого курдского государства (даже автономии в составе Турции) так и остался на бумаге.

Вместе с этим следует отметить два момента. Во-первых, с точки зрения турецких исследователей, новое турецкое правительство (в частности, лично Мустафа Кемаль) были склонны предоставить автономию курдам по окончании национально-освободительной борьбы, однако в итоге ряда восстаний курдов (во главе с шейхом Саидом в 1925 г., Араратского восстания в 1927 г.) отказались от этого замысла, поскольку у них не было гарантий лояльности курдов (в том числе по идеологическим причинам: шейх Саид выступал против кемализма, подразумевавшего вестернизацию Турции) [Нерег, 2007, p. 121]. Во-вторых, касательно конкретно турецких и иракских курдов также следует отметить, что, с одной стороны, «Национальный обет» (*Misak-ı Milli*) предполагал включение Мосула в состав Турецкой Республики [*Milli Egemenlik Belgeleri*, 2015, p. 37–38]. Однако, с другой – целенаправленные дипломатические усилия кемалистов в этом направлении не принесли результатов. Британия отказалась предоставлять какие-либо уступки турецкому руководству, за исключением денежной компенсации (либо части доходов от добычи нефти с мосульских месторождений на протяжении определённого периода) [Гасратян, 1990, с. 117–118]. Как следствие этого, надежды турецкого руководства на то, чтобы включить в состав страны нефтеносную провинцию с курдским населением (закрыв тем самым фактически, курдский вопрос в целом в границах Турции), не увенчались успехом.

Уместным в связи с этим представляется анализ национального движения иракских и турецких курдов первой половины XX в.

После того как Ирак стал подмандатной территорией, британским руководством была осуществлена попытка проведения той же политики управления, что и в Индии. Надо сказать, она увенчалась успехом на всех территориях, непосредственно покорённых британскими войсками в ходе Месопотамской кампании Первой мировой войны. Там местное руководство воспринимало господство англичан как не имеющее альтернатив. Иная ситуация складывалась в труднодоступных горных районах северного Ирака, населённых курдами [McDowall, 2005, p. 155]. Так, с одной стороны, британское руководство стремилось не прибегать к прямому управлению, осуществляя его опосредованно (прежде всего через представителей местных элит). С другой стороны, курдские вожди не считали себя чем-то обязанными новой власти (не имея опыта прямого военного столкновения с ней). Поэтому, будучи назначенным хукумдаром (правителем) Сулеймании, Махмуд Барзанджи воспринял это как полномочия по управлению всем Иракским Курдистаном. Британской администрацией это было воспринято как восстание, которое было подавлено, в том числе с применением авиации. Тем не менее сам Барзанджи был не казнён, но лишь отправлен в ссылку.

Предоставление Ираку независимости (1932) привело к возникновению новых трений. Так, с одной стороны, традиционная курдская аристократия в большинстве своём не была против британского управления (исключение в лице Барзанджи стало своего рода подтверждением незыблемости колониального управления) [McDowall, 2005, p. 151]. Однако ситуация, при которой все рычаги управления страной оказывались в руках арабов (Багдада), не могла вызывать у них симпатии. Вместе с тем сами курдские шейхи оставались разобщёнными, будучи разделёнными феодальным – по сути своей – хозяйственным укладом, не создававшим предпосылок к политической централизации. В значительной степени именно поэтому выступления Барзанджи не увенчались успехом: они не переросли в то, что можно было бы назвать «национально-освободительной борьбой». Он не был поддержан представителями других кланов (если не сказать, что натолкнулся – в их лице – на сопротивление, призванное сохранить status-quo).

Таким образом, на начальном этапе национальной борьбы курдов в XX в. в Ираке они потерпели поражение. Более того, можно сказать, что проблематично говорить – применительно к этому периоду – о самом национальном движении, курдском национализме как таковом. Как пишет Макдауэл (и цитирует его Стэнсфилд) Барзанджи был одиночкой, харизматичным вождём, заинтересованным в перераспределении власти и собственности в свою пользу: своего племени и клана [Stansfield, 2003, p. 62]. Он пользовался наибольшим авторитетом среди других курдских вождей, однако этого оказалось недостаточно, чтобы принудить вождей других племён признать его волю. Все это создавало препятствия на пути становления курдского национализма и национального сознания, действенно стимулировать которое в тех конкретных (прежде всего внешних, но также внутренних) исторических обстоятельствах оказалось невозможно.

Аналогичная ситуация складывалась в Турции, но в более жёсткой форме. Сразу после завершения национально-освободительной борьбы кемалистами во главе с Мустафой Кемалем было заявлено, что они строят национальное государство. Практически это означало, что турками признавались все граждане страны, при этом сам факт наличия в стране национальных меньшинств (отличных – этнически – от турак-анатолийцев: курдов, лазов, заза, алеви) отрицался. Борьба против религии как элемента политической жизни стала как минимум предлогом к восстанию курдов во главе с шейхом Саидом (1925). И хотя участники движения (как и сам шейх) лишь призывали к уважению религии, им вменяли государственную измену [Гасратян, 1990, с. 108]. По итогам восстания шейх и его ближайшие сподвижники были казнены. Как и в ситуации с Барзанджи в Ираке, ключевой проблемой восстания стало отсутствие единства среди курдов. Другие шейхи не выступили на стороне Саида, сочтя более благоразумным придерживаться нейтралитета (если не сказать – выступить на стороне правительства) [Гасратян, 1990, с. 198].

Таким образом, можно утверждать, что ситуация в Турецком Курдистане до Второй мировой войны была аналогична той, что была в Иракском Курдистане, а именно имели место отсталость, раздробленность, традиционный характер структуры общества, отсутствие индустриального производства. Ситуация усугублялась наличием у кемалистов идеологии, которая хоть и не ставила такой цели де-юре, де-факто вела к дискриминации, при которой турки-анатолийцы получали преимущество над представителями других народов, становились «титულიной нацией». Речь не шла о модели «плавильного котла» (*melting pot*), при которой «турками» признавалось нечто третье, общее, абстрактное: по отношению как к туркам-анатолийцам, так и курдам. Напротив – курдам (как и представителям других меньшинств) говорилось, что они должны стать такими же, как турки-анатолийцы: принять, перенять их язык, культуру, одежду и т. д., т. е., по сути, отречься от самих себя. Именно «турецко-анатолийское» бралось за эталон, в этом – корень значительного числа противоречий,

давших знать о себе впоследствии (за вычетом сугубо экономических). Чтобы составить себе представление о том, сколь велико различие между турецкой и курдской культурами, довольно – с нашей точки зрения – упомянуть, что языки курдов и турок относятся к разным языковым группам и семьям (индоевропейской и алтайской соответственно).

Таким образом, восстания курдов имели место и в первой половине XX в.: как в Ираке, так и в Турции. Все они потерпели поражение. Тем не менее сломить курдское самосознание не удалось. Как следствие этого, ещё больший размах их выступления приобрели в период после Второй мировой войны, после установления Ялтинской системы международных отношений: начала холодной войны, блокового противостояния двух сверхдержав в Европе и на Ближнем Востоке. Начался бурный процесс деколонизации. 1960 год был провозглашён «годом Африки». В свою очередь, на Ближнем Востоке аналогичные процессы нашли своё отражение в переворотах в Египте (1952) и в Ираке (1958). Перевороты эти производились военными и знаменовали собой свержение монархических режимов.

Здесь мы сталкиваемся с первой отличительной чертой курдского национального движения в Ираке и Турции. Применительно к Ираку можно утверждать, что национальное движение в нём приобрело легитимный статус после Июльской революции, а сама революция знаменовала собой выход курдского вопроса на качественно иной уровень. Фактически его существование было признано официально. Это объясняется тем, что революционное правительство во главе с Абдель Керим Касемом нуждалось в поддержке широкой коалиции против свергнутой им монархии (в свою очередь, находившей всемерную поддержку со стороны Британии и США) [Мгоян, 1975, с. 102–103; Аширян, 1975, с. 47]. Как следствие этого, революционное правительство и курды оказались объективно заинтересованы друг в друге. Символом этого стало возвращение Мустафы Барзани из СССР после многолетнего изгнания.

Однако такое положение дел не могло сохраняться долго. Сама логика развития событий, борьбы за власть делала этот союз неустойчивым. Не имея в тех исторических условиях возможности опереться на что-либо, кроме идеологии арабского национализма, революционное правительство уже очень скоро начало противодействовать курдам в их требовании предоставления автономии. В свою очередь, сделать уступку для правительства Касема означало фактически подорвать собственную власть (что в равной степени касалось и лично Касема – с точки зрения борьбы в самом революционном правительстве) [Мгоян, 1975, с. 102]. О том, насколько данный фактор отношений между Багдадом и курдами был значим, свидетельствует тот факт, что тренд на подавление курдов сохранился и после свержения Касема. Пришедшие ему на смену (и стремительно сменявшие друг друга) правительства не желали идти на какие-либо реальные уступки курдам [Мгоян, 1975, с. 215]. С одной стороны, каждая новая группа заговорщиков стремилась заручиться поддержкой Барзани (временным прекращением боевых действий) и обещала выполнить его требования после взятия ими власти. С другой стороны, эти обещания никогда не исполнялись [Мгоян, 1975, с. 90, 235]. Курды Барзани могли изгнать оккупантов из горных районов северного Ирака, однако им никогда не удавалось заставить правительства в Багдаде исполнять собственные обещания.

Начало национальной борьбы Барзани в Ираке оказало существенное влияние и на курдов Турции. Однако оно столкнулось здесь с рядом препятствий: отсталостью юго-востока страны (территории, населённой преимущественно курдами), включённостью представителей традиционной родовой аристократии курдов (аг и шейхов) в республиканскую систему власти (так, в частности, многие ага были допущены кемалистами до представительства своих провинций, притом на высшем уровне – в Великом национальном собрании) [McDowall, 2005, p. 399]. С одной стороны, развитие национализма в регионе блокировалось его отсталостью, с другой – включённость курдского руководства в турецкий истеблишмент исключала сами предпосылки возникновения сепаратистских тенденций. Впрочем, как

утверждают турецкие авторы, ряд известных курдов выступил за нахождение их народа в составе Турции ещё в период становления Республики (что, в частности, якобы нашло своё отражение в ходе Лозаннской конференции) [Нерет, 2007, р. 117]. Также следует отметить жестокие репрессии турецкого руководства, обрушившиеся на курдов вследствие восстания шейха Саида, Араратского восстания и др. Результатом стали массовые депортации курдов с юго-востока в другие части страны. Кемалисты вскоре убедились, что оптимальным способом удержания контроля над территорией является кооптация традиционной элиты в республиканский истеблишмент. В свою очередь, представители курдской аристократии также были заинтересованы в упрочении собственной власти.

С этой точки зрения следует отметить амбивалентный характер последовавшей – сразу после окончания Второй Мировой войны – демократизации политической жизни в Турции, а именно переход от однопартийной (в лице Народно-республиканской партии) политической системы к многопартийной. Так, с одной стороны, появились теоретические возможности для появления оппозиции в легальной политической форме. С другой – заигрывание партий с курдами (их элитами) в конкуренции за голоса избирателей привело к тому, что рядовые курды оказались под ещё более тесным и жёстким контролем: как – напрямую – со стороны землевладельцев (аг), так и – опосредованно – центрального правительства в лице новой, демократизированной системы (этот же процесс – демократизация – объективно вёл к возрождению ислама). Демократическая партия, сменившая у власти НРП в 1950-х гг., в значительной степени опиралась на поддержку курдского электората юго-восточных провинций [McDowall, 2005, р. 400].

Вместе с тем период нахождения у власти Демократической партии не прошёл бесследно. Открывшись – вслед за «планом Маршалла» – иностранному капиталу, Турция стремительно модернизировалась. Наиболее ярко это отразилось в сфере сельского хозяйства. Если в 1948 г. в стране насчитывалось всего 1750 тракторов, то в 1954 г. – 40 тысяч [McDowall, 2005, р. 401]. Следствием этого закономерно стали рост безработицы в сельской местности, массовая трудовая миграция на запад страны. Так, по данным Макдауэлла, порядка 41% трудовых мигрантов с юго-востока направлялось в Стамбул, 18% – в Анкару [McDowall, 2005, р. 403]. Одновременно с этим он отмечает, что несмотря на то, что городской уклад жизни в корне отличался от сельского, курдам удалось в значительной степени сохранить как коллективное начало, так и сознание собственной самобытности, отличия от турок. Значительную роль в этом играл фактор языка.

Значительные перемены произошли за это время и в политической жизни страны. Прежде всего следует отметить принятие – вследствие военного переворота 1960 г. – новой конституции (1961 г.), отличительной чертой которой стал либерализм ряда её положений (чего не было ни в предшествующей, ни в последующей конституциях). Так, впервые в истории Республики разрешалось создание социалистической партии. Ею стала Турецкая рабочая партия – ТРП (запрещена после переворота 1971 г.). По курдскому вопросу турецкое руководство продолжало руководствоваться политикой культурной ассимиляции. Либеральный характер конституции может быть объяснён следующим образом: с одной стороны, руководство Республики понимало неизбежность роста левых настроений – ввиду стремительной индустриализации страны – поэтому заранее готовило вариант рабочей партии (как и подконтрольных власти профсоюзов) как варианта направления оппозиционных настроений в пределах легального политического поля. С другой стороны, курдский фактор оказался очевидным образом недооценён. Следствием этого, в свою очередь, стала политическая нестабильность в стране на протяжении всего десятилетия, итогом которого стал новый военный переворот и принятие новой – во многих отношениях более жёсткой – конституции 1973 г. В свою очередь, относительно мягкая (после подавления восстаний 1920–1930-х гг.) политика по ассимиляции курдов потерпела неудачу. Пытаясь целенаправ-

ленно взрастить патриотичную в отношении Турции курдскую молодёжь, кемалисты в итоге вырастили поколение революционеров. Некоторые из них (в частности, Фаик Буджак) имели аристократическое происхождение [McDowall, 2005, p. 408].

Здесь мы подходим ко второй характерной черте, отличающей национальное движение в Ираке от того, что имело место в Турции в рассматриваемый период, а именно к факторам клановости и классовости. Так, с одной стороны, в Ираке национальное движение (его организационная форма) носило выраженный племенной, клановый характер. Иначе и быть не могло. Можно сказать, что сам «феномен Барзани» (как определённого типа политического лидера, модели политического лидерства) стал возможен благодаря, во-первых, поддержке в лице племени, а, во-вторых, его собственного статуса как представителя родовой аристократии. ДПК, её Политбюро (после изгнания из неё Джаляля Талабани и Ибрагима Ахмеда) было представлено людьми Барзани (в свою очередь, он смог осуществить подобного рода перестановки вследствие того, что не просто располагал вооружённой силой, но был удачливым полководцем) [Stansfield, 2003, p. 73].

Ничего подобного не было в Турции. В начальный период существования Республики (до смерти Ататюрка в 1938 г.) курдский сепаратизм подавлялся самым жёсткими и решительными мерами. И хотя вследствие бурной индустриализации уже 1960-е годы стали периодом попыток самовыражения курдов на новой, «индустриальной», основе (по ту сторону жёсткой стратификации распадающегося традиционного общества), вплоть до начала 1970-х гг. курдские объединения не обрели никакой серьёзной организационной формы. Все они, как, например, Восточные революционные культурные очаги (ВРКО) и «Дев Генч» (созданы в 1969 г.), носили характер культурных ассоциаций. Значительную роль в этом играли ограничения и репрессии со стороны правительства. Речь идёт прежде всего о закрытии журналов на курдском языке (таких, как «Диджле-Фырат», «Барыш дюньясы», «Денг») и самих курдских ассоциаций [Гасратян, 1990, с. 238, 242]. Литература на курдском языке, даже использование курдского языка в общественных местах были запрещены. Новая конституция по-прежнему не признавала существования курдского вопроса в Турции, «нация» понималась как гражданство, а не этнос. Быть «гражданином Турции» означало быть «турком».

Так, 8 мая 1961 г. имели место крупные демонстрации в Мардине, Диярбакыре, Шивереке, Битлисе и Ване. Молодые курды держали баннеры над головами, декларируя: *«Мы – не турки, мы – курды... Турецкое государство должно признать наши национальные права»*. По данным курдских источников, 315 демонстрантов были застрелены, ещё 754 – ранены. Раскол между частью народа и правительством становился очевиден [McDowall, 2005, p. 407].

По сравнению с этим центральное правительство в Ираке никогда не обладало силой достаточной, чтобы полностью подавить сопротивление курдов. Даже нанеся в конечном итоге поражение вооружённому восстанию Барзани в 1975 г., арабские националисты не смогли подавить в курдах национальное самосознание. Причиной этого, в свою очередь, было то, что индустриальное развитие иракских провинций, населённых курдами (нефтеносных месторождений Мосула и Киркука), началось ещё в 1930-х гг., в то время, когда в области проживания турецких курдов не было никакого промышленного производства. Удалённость юго-востока Турции от моря (по сравнению с западом страны), отсутствие инфраструктуры – всё это объективно приводило к тому, что развитие курдских районов требовало трехкратно больших капиталовложений [Нерег, 2007, p. 117]. Данные обстоятельства препятствовали развитию национального самосознания турецких курдов. Вместе с тем события в Ираке были известны в Турции, и пример Барзани был заразителен. Сознывая это, турецкое руководство делало жёсткие заявления относительно недопустимости «экспорта» курдского сепаратизма из Ирака в Турцию [McDowall, 2005, p. 406].

Нельзя сказать, что турецкому руководству удалось в конечном итоге значительно воспрепятствовать росту национального сознания, и вместе с тем примечательно, что в Турции чаяния курдов на национальное освобождение возлагались на Рабочую партию. Ввиду того, что партии на этнической основе были запрещены на уровне конституции, естественной формой выражения курдского национализма стал социализм. Получалось, что турецкие курды прибегали, таким образом, к единственному доступному им (легальному) способу политического самовыражения. Национальный вопрос пытался маскироваться под классовую борьбу. Примечательна в связи с этим двойственность позиции самой ТРП. Небезосновательно опасаясь угрозы закрытия, её лидеры не обращались к курдской проблеме напрямую. Вместо этого руководство ТРП стремилось сделать акцент на развитии производительных сил отсталого юго-востока, сместив тем самым постановку вопроса с национальной на экономическую [Гасратян, 1990, с. 285]. Это закономерно вызывало разочарование среди курдов, отход электората юго-востока от ТРП. Как следствие этого, в 1970-е гг. курдский национализм принял характер создания самостоятельных, независимых движений.

Применительно к вопросу о политических субъектах также следует отметить существование подпольной Демократической партии Турецкого Курдистана (ДПК-Т). В соответствии со своим названием, она представляла, по мнению исследователей, филиал партии Барзани [Гасратян, 1990, с. 260–261]. Есть свидетельства того, что её представители принимали участие в конгрессах курдов в Ираке в период борьбы там Барзани. Однако лидер ДПК-Т Фаик Буджак был убит в июле 1966 г., спустя восемь месяцев после создания партии. Его ближайший соратник и преемник, Саит Эльчи, также погиб в ходе столкновений в 1971 г. В результате следы этой организации теряются. Судя по всему, за недолгий период своего существования ДПК-Т не удалось глубоко пустить корни даже там, где её ячейки существовали. С нашей точки зрения, это является подтверждением позиции, согласно которой в Турции не было почвы, которая была бы адекватна становлению национализма по иракскому образцу (условно говоря, с опорой на племенную структуру общества и во главе с харизматичным представителем традиционной элиты). Кемалисты решительно пресекали саму возможность возникновения подобной ситуации.

В 1970-х гг. ситуация с курдским вопросом в Ираке и Турции перевернулась противоположным образом. Так, с одной стороны, движение во главе с Барзани потерпело поражение вследствие сделки между правительством партии «Баас» и шахом Ирана. Оказавшись без снабжения со стороны Ирана, Барзани отказался от продолжения вооружённой борьбы. В 1978 г. – уже после того, как Барзани оказался в эмиграции в США – Хусейн распустил Национальный фронт, представлявший собой коалицию иракских арабских националистов, коммунистов и курдов. Впоследствии это вылилось для курдов в многочисленные репрессии. Вместе с тем ещё в 1973 г. появился ряд курдов (во главе с Хашимом Акрави и муллою Азизом), выступивших против политики Барзани в отношении Багдада. Они считали, что проект автономии, предложенный Багдадом, – лучшее из того, на что курды могут рассчитывать [McDowall, 2005, p. 337]. Именно они присоединились к Национальному фронту, полагая, что смогут извлечь выгоду из взаимодействия с центральным правительством, не прибегая к силе. Их расчёт не оправдался.

В Турции, напротив, курдскому национализму в 1970-е гг. ещё лишь предстояло в полной мере заявить о себе. О теоретической возможности роста протестных настроений в 1970-х гг. можно было судить по данным демографического роста в стране в целом, и особенно на юго-востоке. Ключевым в связи с этим представлялся рост безработицы: даже по официальным данным, она возросла более чем в два раза в период 1967–1977 гг. (с 600 тыс. до 1.5 млн) [McDowall, 2005, p. 413]. Это представляло собой среду, в которой естественным образом вспыхивали радикальные, экстремистские лозунги, причём как левого, так и правого

толка. Так, в период между осенью 1973 г. и летом 1977 г. в столкновениях между левыми и правыми было убито не менее 447 студентов и на следующий год – в двухмесячный период, предшествовавший всеобщим выборам в июне – погибло ещё 70 [McDowall, 2005, p. 414].

В качестве примеров левых революционных террористических группировок следует упомянуть Армию освобождения турецкого народа (АОТН) и Фронт народного освобождения (ФНО), которые возникли в 1971 г. Им и подобным им левым группировкам, в свою очередь противостояли правые группы – наиболее известной из которых являются «Серые волки» (*Bozkurt*) – тесно связанные с Партией националистического действия (ПНД). К концу 1978 г. в восточных провинциях погибало от 20 до 30 человек ежедневно [McDowall, 2005, p. 415].

Также существуют веские свидетельства в пользу того, что «Серые волки» были одним из элементов международной тайной сети «Гладио» (турецкая ветвь – «Контргерилья») которая охватывала все страны НАТО и ставила своей целью борьбу против левого движения и противодействие СССР на случай военного вторжения в Европу. Существование этой сети в Турции в означенный период, в частности, было признано премьер-министром Бюлентом Эджевитом [Özel Harp, 2008]. Ничего подобного не было в Ираке, который вышел из Багдадского пакта сразу после Июльской революции. Данный фактор – уже, по сути, международного вмешательства, давления – также отразился на специфике левого движения в Турции.

Апофеозом бурных 1970-х гг. стал военный переворот 1980 г. во главе с генералом Кенаном Эвренем. В 1982 г. была принята новая конституция, которая ликвидировала многие достижения конституции 1961 г. По прошествии двух десятилетий протестов турецкое руководство пришло к осознанию необходимости «закручивания гаек» на высшем законодательном уровне. Новая конституция усилила исполнительную ветвь власти в лице президента, наделив его правом распускать парламент и руководить посредством прямых указов. Роль политических партий была уменьшена. Конституция также включала в себя абстрактное положение, статью 14, которая запрещала политическую борьбу, основанную на классах, деноминациях, языке или расе [Türkiye Cumhuriyeti, 1982]. Подавляющее большинство избирателей, уставших от насилия (87%) одобрило эти меры [McDowall, 2005, p. 416]. Многие профсоюзы были закрыты, старые партии были распущены, а новым было запрещено создавать молодежные и женские ассоциации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

XX век стал для курдов периодом напряжённой борьбы за свою независимость. Многочисленные выступления имели место ещё в первой половине XX в. – как в Турции, так и в Ираке – однако ни одно из них не было успешным. Это было связано не столько с тем, что после окончания Первой мировой войны и распада Османской империи курды оказались разделены границами четырёх государств, но, в ещё большей степени, – с разобщённостью их лидеров (проистекавшей, в свою очередь, из феодального способа хозяйствования, не предполагавшего политической консолидации).

Ситуация изменилась во второй половине XX в. Политическим выражением этого стал процесс деколонизации, экономическим – индустриализация. Всё это привело к росту национального самосознания курдов. В то же время Июльская революция создала ситуацию, при которой курды впервые были признаны в качестве полноправных политических субъектов. И хотя их требование по предоставлению автономии не было удовлетворено, продолжительная борьба иракских курдов во главе с Мустафой Барзани привела к росту курдского национализма в Турции.

Национальное движение курдов в форме политических партий в Турции стартовало десятью годами позже, нежели в Ираке. На то были объективные причины, в частности, отсталость юго-востока Турции и террор против курдов (в частности, казни и ссылки

лидеров, депортации населения), которые обрушились на них в 1920–1930-х гг. Также следует отметить фактор инкорпорации традиционной курдской аристократии в турецкий политический истеблишмент. Всё это, с одной стороны, парализовало развитие региона (на определенном этапе), а, с другой, делало невозможным выступления местных элит против центральной власти (как это имело место в ситуации с шейхом Саидом или Барзани). Государство в Турции объективно было более сильным и централизованным, нежели в Ираке, национальное сознание курдов – слабее. Вместе с тем революция 1958 г. в Ираке стимулировала рост курдского национализма во всём регионе.

Курдский национализм в Ираке опирался на племенные структуры, кланы (Барзани, Талабани), наличие общепризнанного лидера (в лице Мустафы Барзани). В этом смысле ПСК стал репликой ДПК (Политбюро, ЦК, харизматичный лидер, клан Талабани). Опыт национально-освободительной борьбы 1960-х гг. в Ираке показал, что подобные структуры могут быть достаточно эффективны (как минимум в условиях противостояния противнику в горной местности). Ничего подобного не было в Турции. Как уже было упомянуто, аристократия турецких курдов – отчасти под давлением, а отчасти добровольно – была кооптирована в правящую элиту Турции (притом на уровне представительства в национальном парламенте). У турецких курдов не было единства, не было общепризнанного лидера. У них не было возможности в открытую вести пропаганду, создавать легальные политические организации (под запретом находилось само использование языка в публичных местах, не говоря уже о печати). Сам факт существования курдской проблемы отрицался, притом делалось это на официальном уровне, в национальной идеологии. Можно сказать, что одной из основ политического дискурса в Турции был «антикурдский консенсус». С этим, в частности, было связано нежелание лидеров ТРП поднимать проблематику юго-востока именно как национальную. Закономерным следствием этого, в свою очередь, стал выход курдского движения за пределы легального политического поля.

Первые политические организации турецких курдов начали возникать в конце 1960-х, начале 1970-х гг., они сразу столкнулись с террором со стороны государства и правых сил (не говоря уже о существовании международного фактора подавления левого движения в Турции как стране – члене НАТО, чего не было в Ираке после выхода страны из Багдадского пакта). Итогом этого противоборства стало «закручивание гаек» со стороны государства в виде прихода к власти военных 1981 г. и новой конституции 1983 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что национальное движение курдов и в Ираке, и в Турции существовало в крайне неблагоприятных условиях. Вместе с тем борьба курдов в Ираке носила более зрелый и эффективный характер. С нашей точки зрения, это связано с фактором организации. ДПК сочетала в себе как современные, так и архаические черты: за фасадом левых лозунгов и риторики скрывалось, по сути, племя. Однако парадокс в том и состоит, что сравнительная эффективность ДПК – по сравнению с турецкими объединениями – была связана не с её модернистскими лозунгами, но именно с архаической структурой организации. В свою очередь, поражение её филиала – ДПК-Г в Турции – свидетельствует о значительном отличии условий турецкой политической жизни (в частности, репрессивных возможностей турецкого государства). Иными словами, фактор внешних условий, на фоне которых развивался курдский национализм, имел преобладающее значение. Тем не менее принципиальной проблемой турецких курдов, их национально-освободительной борьбы оставалось то, что они не смогли (в силу объективных причин: прежде всего целенаправленной политики со стороны государства) поставить старые структуры своего традиционного общества на службу национализму (несмотря на то, что отдельные представители аристократии – такие как Фаик Буджак – встали на сторону левых революционеров). Как следствие этого, турецким курдам для выражения

своих национальных чаяний пришлось изобретать качественно иные, новые, структуры, в корне рвавшие с традиционной структурой курдского общества (каковой и стала в конечном итоге Рабочая партия Курдистана – РПК). Фактор идеологии при этом представляется вторичным по отношению к структуре, организации самого политического субъекта. Именно племенная структура ДПК – производные от неё интересы её функционеров – обусловили её идеологию, а не наоборот. В этом смысле все революционные организации турецких курдов 1970-х гг. потому и не смогли просуществовать долго, что не имели под собой, в себе, своей основе, прочной структуры и «базы опоры». Идеологическим отражением и выражением этого стал революционный радикализм молодёжных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Аширян Ш.Ч. *Национально-демократическое движение в Иракском Курдистане (1961–1968)*. М.: Наука, 1975 [Ashiryar Sh.Ch. *Nationalist–Democratic Movement of Iraqi Kurdistan (1961–1968)*. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian)].

Гасратян М.А. *Курды Турции в новейшее время*. Ереван: Айастан, 1990 [Gasratyan M.A. *Turkish Kurds in Modern Time*. Yerevan: Ayastan, 1990 (in Russian)].

Мгоян Ш.Х. *Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике, 1958–1970 гг.* Ереван, 1975 [Mgoyan Sh.Kh. *Problem of Kurdish National Autonomy in Iraq, 1958–1970*. Yerevan, 1975 (in Russian)].

Heper M. *The State and the Kurds in Turkey: The Question of Assimilation*. Houndsmill, Basingstone, Hampshire, U.K.: Macmillan/Palgrave, 2007.

McDowall D. *A Modern History of the Kurds* [3rd rev. ed.]. London; New York: Tauris, 2005.

Milli Egemenlik Belgeleri. Haz. S. Yazıcı. Ankara: TBMM Basımevi, 2015 [Documents of National Sovereignty. Ed. S. Yazıcı. Ankara: TBMM Basımevi, 2015 (in Turkish)].

Özel Harp Dairesi'nden Jitem'e. *Radikal*. www.radikal.com.tr/radikal2/ozel-harp-dairesinden-jiteme-911847/ (accessed: 18.05.2020).

Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London; New York: Routledge Curzon, 2003.

Türkiye Cumhuriyeti Anayasası (1982). *Türkiye Büyük Millet Meclisi*. https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2017.pdf (accessed: 18.05.2020).

The Treaties of Peace, 1919–1923. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1924. Vol. 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЕДЕНЕЕВ Илья Николаевич – аспирант, лаборант-исследователь, Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Iliia P. VEDENEEV, Post-graduate Student, Assistant, Center for Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.